

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Вильмонт
Два зайца, три сосны

«АСТ»

2007

Вильмонт Е. Н.

Два зайца, три сосны / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2007

ISBN 978-5-17-041822-0

Ее проза – изящная, задорная и оптимистичная. Ее по праву ставят в пятерку самых известных авторов, пишущих о взаимоотношениях мужчины и женщины. И если у вас дурное настроение, или депрессия и жизнь совсем не в радость, то вам помогут романы Екатерины Вильмонт!

ISBN 978-5-17-041822-0

© Вильмонт Е. Н., 2007

© АСТ, 2007

Екатерина Николаевна Вильмонт

ДВА ЗАЙЦА, ТРИ СОСНЫ

Кумир поверженный – все Бог.

М. Лермонтов

– Дед, скажи, что такое «задрыга»?

Владимир Александрович отложил газету и внимательно взглянул на внука.

– Как ты сказал? Задрыга?

– Ну да! Или ты не знаешь?

– Видишь ли, знать-то я знаю, а вот как объяснить тебе, ума не приложу.

– Да уж как есть, я не маленький!

– Ладно! Ты Розу с первого этажа помнишь?

– Она – задрыга?

– На мой взгляд, именно так! А впрочем... – Владимир Александрович пожал плечами.

– А что такое Мухлынь?

– Мухлынь? Понятия не имею! Первый раз слышу, но... А ты где это все взял?

– У мамы. У нее рукопись готовая на столе лежала, и первая глава называется «Две задрыги из Мухлыни».

– Прелестно! Что-то подобное я подозревал. Ну, в таком случае «Мухлынь» это, скорее всего, весьма захолустный населенный пункт, а две задрыги, по-видимому, две провинциальные золушки, которым предстоит в конце маминого романа победить столицу и найти своих принцев. На белых мерседесах.

– Дед, как ты думаешь, Мухлынь существует?

– Спроси у мамы. А что, тебе захотелось поехать в эту самую Мухлынь? Должен сказать, что если твоя мать это придумала, то придумка неплоха! Что может быть в этой Мухлыни хорошего? От нее веет такой сонной одурью пополам с мухами... И во всех торговых точках этой Мухлыни с потолка свисают липкие ленты, сплошь покрытые дохлыми мухами. Весьма художественное название, говорящее, так сказать... Интересно, это город или деревня?

– Дед, а почему ты маминых книжек не читаешь?

– Да зачем мне? Я и так знаю, что там все хорошо закончится.

– Это разве плохо?

* * *

«– Марина Борисовна, повторяю, спрячьте ваш темперамент, он тут ни к чему, это совсем другая роль! Зритель не должен догадываться, что вы на самом деле не мямля, а горячая штучка, понимаете? – снова напустился на меня главный.

– Валентин Георгиевич, мне кажется...

– Мне абсолютно наплевать, что вам кажется! Извольте выполнять мои указания и соблюдать рисунок роли! Сергей Юрьевич, а вас прошу почетче произносить текст, повторяем еще раз! Пошли!

Я постаралась спрятать в карман темперамент, хотя, по-моему, это бред, любовное неинтересное решение. Она мямля, а в конце вдруг неожиданно взрывается. На мой взгляд, куда интереснее, если зритель что-то заподозрит, тогда и за моей героиней наблюдать будет интереснее, а так вообще непонятно, зачем она тут болтается, только раздражает... Но главный ничего не желает слушать, да и кто я такая для него? Актрисулька, которая не смеет вякать, когда мэтр дает указания. Вот с Юркой он уже не позволяет себе хамства, сознает, что тот в

любой момент может сделать ему ручкой. Юрку сейчас в любой театр возьмут с восторгом. А он ведь тоже долго прозябал...

– Марина Борисовна, прошу вас, встаньте у окна спиной к зрителю, здесь должна играть только ваша спина.

Я подчинилась, но очевидно моя спина так явно выражала ему мою ненависть, что в какой-то момент он вдруг подскочил ко мне и больно ударил по спине.

– Черт бы вас побрал, спрячьте темперамент! Или вы настолько бездарны, что не...

Я не выдержала:

– Да, я настолько бездарна, что не...

У него в глазах отразилось безмерное удивление: эта особа еще смеет открывать рот?

– Все! Не могу больше, я ухожу! Говорят, вы вытаскиваете все из актеров, ерунда, вы вытаскиваете только там, где уже все и так давно ясно, как с Великановым, как с Юрочкой, например! А меня вы губите, и я ухожу! – Я, наконец, дала волю своему темпераменту, который он так ненавидел. – Вам нужны вялые послушные куклы, я не из их числа! Думаете, сделали несколько скандальных спектаклей, так уже и Товстоногов?

– Вон отсюда! – холодно проговорил он.

– Я уйду, не сомневайтесь! И пусть вам будет хуже! Потому что даже моя спина в сто раз выразительнее, чем... Вы же прочитали по ней, как я вас ненавижу!

Я бросилась прочь со сцены. И ни одна сволочь не побежала за мной. А ну их всех к чертям собачьим!»

Я перечитала написанное. Ничего, получилось, по крайней мере, на первый взгляд. Правда, не очень понятно, что дальше делать. Сцена для начала чересчур ясная и однозначная. Сейчас Марина либо должна утопиться, либо встретить принца. Но для принца еще рано... И мои героини не топятся... А может, пусть бросится в реку, а принц ее спасет? Фи... Ладно, пожалуй, надо пройтись, проветрить голову... Зайду в магазин, куплю какой-нибудь еды, а то в холодильнике пусто. А может поехать к маме? Гошки нет, он уехал к деду на каникулы... Нет, мама в отсутствие Гошки начнет требовать, чтобы я «устроила свою личную жизнь»! И вдруг зазвонил телефон.

– Олесечка, ты работаешь?

– Лерка, как хорошо, что ты позвонила, я как раз хочу сделать перерыв.

– В таком случае, Олесечка, давай сегодня пообедаем в «Пушкине», а?

– Это с какой радости? – удивилась я. Обычно мы с ней обедаем в более скромных заведениях.

– Есть повод, вернее, необходимость...

– Необходимость?

– Да, я тебе при встрече объясню, только давай лучше поедем на твоей машине, моя что-то вчера барахлила... – голос у Лерки был какой-то смущенно-лживый.

– Лер, ты опять дурью маешься?

– Маюсь, и что? Кисло тебе в «Пушкине» пообедать? Я приглашаю.

– Ладно, шей тамошних хочется! – согласилась я.

* * *

– Ну в чем дело? – спросила я, когда Лерка плюхнулась на сиденье моей машины.

– Ой, Олесечка, у Гришки там сегодня свиданье с какой-то Розой! Я должна на нее посмотреть.

– Тебе не надоело?

– Нет! Я должна охранять свое счастье!

– По-твоему это счастье?

- Да! Для меня счастье!
- Ладно, будем охранять. Но откуда ты узнала про свидание?
- Слышала! Утром кто-то позвонил, а он закричал так радостно: «О, привет, Роза! Наконец-то! Сколько лет, Роза!» И договорился в два часа пообедать в «Пушкине».
- Но может, это деловой обед?
- Ну прямо! Это что-то из прошлого... Может, там ничего и нет, но я хочу своими глазами ее увидеть...
- А мы не рано? Только еще полвторого...
- Гришка придет ровно в два, мы должны уже сидеть... И место надо выбрать поудобнее, он всегда сидит у окна...
- А если у окна будет занято?
- Глупости, он позвонил и заказал столик.
- А если он все-таки нас увидит?
- Ну, вряд ли, я сяду спиной, а наблюдать будешь ты!
- Ну нет, я так не согласна!
- Почему?
- Ты не дашь мне спокойно поесть!
- Ты что, жрать собралась?
- Именно!
- Счастливая, а мне кусок в горло не ползет!
- А если эта Роза страшной торпедной атаки?
- Еще хуже...
- Почему?
- По кочану! Тогда я буду мучиться, что он в ней нашел...

* * *

Мы сели так, чтобы обе могли видеть Гришин столик, но не бросаться ему в глаза. Роскошные Леркины волосы мы убрали под мою новую шляпку. Лерка принципиально не носит головных уборов.

Я стала листать меню, хотя в «Пушкине» всегда беру одно и то же – полпорции суточных щей и бефстроганов.

Лерка заказала себе полусырого тунца.

– Явился, не запылится, – прошипела она.

– Роза не пришла, что ли?

– Откуда я знаю? Может, она должна прийти прямо сюда... Хорошо бы она его продинамила.

– Не пялься так, он может почувствовать...

– О, Роза! – раздался возглас. Мы обе повернулись в ту сторону. К Гришке подошел мужчина не первой молодости. Гришка вскочил, и они обнялись.

– Привет, старик!

– Привет, Роза!

Меня стал душить смех. Лерка сидела с открытым ртом.

– Что это такое? – прошептала она. – Он что ли голубой? Почему этого здорового мужика зовут Розой?

– Скорее всего это кликуха, на голубых они совсем не похожи, скорее уж на друзей детства.

– Ты уверена? – пристыженно пробормотала Лерка.

– В чем?

– Ну, что они не...

– Голову на плаху не положу, но руку на отсечение дам.

– О господи! Но почему же Роза?

– Может, он Розов или Розенблюм... Или, предположим, он в детстве мечтал о дальних странах и в тетрадках рисовал розу ветров...

– Господи, ну и фантазия у тебя! Ты уж небось ему биографию сочинила.

Все вышло вполне удачно. Гриша сидел спиной к нам.

– Олесь, я сбегая вниз, приспичило, а ты когда я буду возвращаться, подай мне знак...

С этими словами Лерка побежала к выходу. Какая она изящная и красивая. А сколько ей пришлось намыкаться, пока она не встретила свое «счастье». Вот и боится за него...

Тут мне подали щи, аккуратно сняв с горшочка легкое пропеченное тесто. Я никогда не могла устоять и не съесть эту вкусноту. А Лерке подали какие-то воздушные листья. Черт, как хорошо не бояться за свое счастье, как вкусно...

– Жрешь? – с завистью спросила Лерка. – А там между прочим... Не хочу тебя огорчать, но там...

– Что?

– Я в гардеробе видела Миклашевича... с бабой. Они уже уходили.

– И что?

– А тебе уже наплевать, да?

– Да! С высокого дерева! А если ты думала, что не наплевать, зачем сказала?

– О, прости, прости, я думала, что наплевать...

– Так и вправду наплевать.

– Честно?

– Честнее не бывает.

– Слушай, а я ведь толком так и не знаю, из-за чего вы расстались?

– Из-за местоимения.

– Из-за чего?

– Из-за местоимения. Понимаешь, он человек, который знает только одно местоимение:

Я!

– А разве у мужиков не всегда так?

– Не всегда, хотя и часто. Но не всегда!

– А какое тебе местоимение от него нужно было? Мы?

– Ну, о «мы» я и не мечтала, мне не нужно, но хотя бы «ты»...

Между тем Гриша с Розой увлеченно беседовали, выпивали. Лерка расслабилась.

– Хорошо тебе, вкусно, да?

– Щи были классные!

– И бефстроганов, наверное вкусный? С картошкой...

– Надеюсь!

И тут нам подали второе. Перед Леркой поставили тарелку, где лежал кусок сырой рыбы, какие-то травки и... головка красной розы, для украшения. При виде ее мы чуть не умерли со смеху.

– Сплошные розы..., надо же...

– И обе без шипов, это обнадеживает! – заметила я. – А вообще, Лерка, кончай ты с этой дурью... От ревности можно спятить.

– При чем тут ревность? – искренне удивилась Лерка. – Просто я хочу знать врага в лицо! Любая баба рядом с Гришкой – потенциальный враг. А ревность тут не при чем. Просто я слишком много и долго боролась за свое счастье...

– Дура ты, счастье, тоже мне...

– Тебе хорошо, у тебя талант, у тебя успех...

- Это правда, мне сейчас хорошо! И плевать я на всех хотела!
- Ой, врешь! Как про Миклашевича услышала, в глазах такое было...

* * *

Миклашевич! Это был странный роман. Все началось со сходства фамилий. Он Миклашевич, я – Миклашевская. Я тогда жила совсем другой жизнью.

Но вспоминать не хотелось, мне слишком нравилась моя нынешняя свободная жизнь. Обид на Миклашевича хватило на целый роман, который пользовался огромным успехом. Написав его, я словно бы рассчиталась с ним за все. И слава богу! Это вообще прекрасный способ изживать обиды. Написала о ком-то или о чем-то и стало легче.

Время от времени я смотрела на Розу и гадала – чем занимается этот человек. В его некрасивом лице было что-то привлекательное. Пожалуй такая внешность очень подошла бы для Дани, героя моего нового романа, он не должен быть красавцем...

- Лерка, узнай у Гриши, кто такой этот тип, ладно?
- Тебе зачем? Глянулся?
- Да нет, просто интересно.
- А ты как думаешь?
- Вор в законе! – засмеялась я.
- Да ну, глупости!
- Воры в законе бывают разные...
- Ты меня дразнишь? Хочешь, чтобы я от страха умерла?
- От какого еще страха?
- Я боюсь, что Гриша с ним свяжется, и влипнет в какие-нибудь неприятности.
- Лерка, ты окончательно сдурела, я же шучу! Ну, сколько мы еще будем тут сидеть?
- Почему я знаю? Надо, чтобы они первыми ушли...
- Да они даже не собираются, они тут надолго расположилась, видишь, только закуски едят. Ты как хочешь, а я пойду, мне работать надо.
- Олеська, так нечестно!
- Ты как маленькая, ей богу. Это же может часа на два еще затянуться, а Гриня твой спиной сидит, бегала же ты в сортир.

В результате через четверть часа мы покинули это шикарное заведение.

- Ну, куда тебя отвезти? – спросила я довольно злобно.
 - Никуда, я пройду по Тверской, загляну в Елисейский...
 - Глупости, садись, довезу до дома.
 - Хочешь узнать, с какой бабой был Миклашевич? – обрадовалась Лерка.
- Признаюсь, я хотела бы это узнать, но не хотелось обнаруживать перед Леркой простое бабье любопытство.

- Да на фиг он мне сдался!
- Но она все-таки хорошо меня знает.
- Ничего особенного, даже некрасивая, но очень современная. Стильная.
 - Похожа на борзую?
 - На какую борзую?
 - На афганскую. Экстерьер потрясающий, и полное отсутствие мозгов.
 - Нет, она скорее похожа на иностранку.
 - А он как выглядит?
 - Постарел. Но вид шикарный. Ой, Олеська, забыла тебе рассказать. Третьего дня иду по Ленинскому, а чуть впереди девушка идет, и походка у нее какая-то странная, как будто пьяная. А когда я ее обогнала, смотрю, она на ходу твою книжку читает! Мне так приятно стало...

– Мне тоже приятно... – созналась я. Я еще не привыкла.

Вечером, когда все дневные дела и разговоры, казалось бы закончены, и можно спокойно заняться собой, я сидела, наложив на веки один крем, на щеки и шею другой, зазвонил телефон. Трубка как всегда лежала рядом на диване. Я на ощупь нажала кнопку.

– Аллю!

– Привет! – раздался голос, от которого меня кинуло в дрожь.

– Аллю, кто это? – притворилась я просто от растерянности.

– Олесенька, это я...

– Митя, ты?

– Я, Олеся, я! Не ожидала?

– Да нет...

– Я видел тебя сегодня в «Пушкине». Но я был не один... и ты тоже, и вот решил позвонить. Ты превосходно выглядишь, должен заметить.

– Спасибо за комплимент, я тебя не видела и не могу ответить тем же.

Крем с век попал в глаза, защипало, потекли слезы...

– Мить, я сейчас занята, тебе что-то нужно?

– Занята? Ногти красишь?

– По-твоему, у меня нет других занятий? – вскипела я. – Кстати, кто тебе дал мой телефон?

– Надежда Львовна!

Я нащупала коробку с салфетками и принялась яростно стирать крем.

– Что тебе нужно?

– Может, повидаемся, а?

– Зачем это?

– Интересно снова на тебя посмотреть вблизи, и понять, как это я не разглядел в тебе писательницу...

– Ты просто смотрел недостаточно пристально. А я совершенно не хочу с тобой встречаться! Я все разглядела и мне уже неинтересно!

И я с превеликим удовольствием швырнула трубку.

Сейчас наверняка перезвонит! Но нет. Звонка не было. Может, я погорячилась? Мне вообще-то хотелось бы встретиться с ним, проверить себя... Я ведь его любила на всю катушку. Ах, как хорошо – любила в прошедшем времени. Теперь не люблю и не желаю возвращаться в это униженно-восторженное состояние, к этой идиотской зависимости от его чудовищного характера... Нет, сейчас моя жизнь устроена почти идеально. Год назад я купила себе эту однокомнатную квартиру и была совершенно счастлива. Теперь я могу работать в любое время суток, считаясь только со своими желаниями. Да и маме лучше – моя жизнь не проходит у нее на глазах, я не раздражаю ее поминутно. С точки зрения мамы я занимаюсь чем-то чуть ли не постыдным – пишу легкие современные романы. Мама моя литературовед, специалист по Горькому. И то, что я пишу, вызывает у нее только недоумение. Но еще большее недоумение вызывает у нее мой успех. Вообще, из близких, во что-то ставит меня только сын. Гошка гордится матерью. И я горжусь своим умным и веселым сынишкой. Хотя и мама и Владимир Александрович, отец моего бывшего мужа, человек прелестный, с которым я дружна, внушают Гошке, что мать его пишет сущую чепуху. Но они моих книг попросту не читают! Ну и ладно, мне и так хватает читателей.

Мама ложится спать поздно, и я решила не откладывать разговор на завтра.

– Мама, не спишь?

– Нет, я смотрю телевизор. Гошка звонил, он очень доволен!

– Мне он тоже звонил. Мама, я просила тебя, не давать этот телефон кому попало!

– Ты имеешь в виду Миклашевича? Он для тебя кто попало?

– Это мое личное дело.

– Ну вот, ты хамишь, значит, еще не остыла... А если бы я не дала ему твой телефон, ты сказала бы, что я сломала тебе жизнь... Ты звонишь, чтобы сделать мне выговор? Тогда спокойной ночи. Я смотрю телевизор!

Да, моя мама это тяжелый случай!

Я села за компьютер, но в голове не было ни единой мало-мальски стоящей мысли. И если моя героиня, незадачливая, но талантливая актриса, была мне ясна, то герой терялся в тумане. И даже дело не во внешности, такой тип, как приятель Гришки Роза, вполне годится, только вот кто он будет по профессии? Интересно, а как этого Розу звать на самом деле? Хотя, какая мне разница. Он мне триста лет не нужен. Если судить по внешности, его могут звать... как угодно. От Ивана Ивановича до Бориса Исааковича. А я назову его Иваном Борисовичем. В этом есть что-то надежное, Иван Борисович должен крепко стоять на ногах, быть великодушным и не лишенным чувства юмора...

Опять зазвонил телефон. Наверняка, Миклашевич. Ну, сейчас ему мало не покажется.

– Алло! – рывкнула я.

– Олеська, ты спишь? – перепугалась Лерка.

– Нет, просто я думала... неважно! Я не сплю!

– Олесь, ты знаешь как зовут нашу Розочку?

– Иван Борисович?

– Почему? – крайне удивилась подруга. – С чего ты взяла?

– Тогда Борис Иванович?

– Ничего подобного. Его зовут Матвей Аполлонович!

– Аполлонович? Не слабо!

– А фамилия у него Розен, он из немецких баронов!

– Да ну, брешет, небось просто усеченный Розенфельд или Розенблум!

– Нет, Гришка уверяет, что он настоящий барон!

– Ну барон и барон, невелика птица!

– Ты чего такая злая?

– Неважно, просто не знаю, что мне делать с героем. Извини.

– А, муки творчества! Ладно, не буду мешать...

Барон, надо же! И, небось, гордится титулом! Вот времена-то изменились! А впрочем, меня это не касается. Главное, Гошка доволен. Они с дедом всегда прекрасно ладят, и тот оказывает на моего сына необходимое мужское влияние. Кроме того Владимир Александрович прекрасно образованный интеллигентный человек и может многому научить Гошку, потому что моя мама...

Прошло пять дней. Я работала, как заведенная – у меня была хорошая полоса. Мне вообще весной и летом работается лучше. И я, как ни странно, люблю лето в Москве, особенно выходные дни. У меня самой теперь выходных нет, но когда улицы пустеют, можно быстро доехать, куда тебе вздумается... И день такой длинный, что успеваешь все – и за компьютером посидеть, и по магазинам пробежаться, и в ресторанчик с кем-то из подруг выбраться, и у телевизора побалдеть, грызя семечки – кстати ценное завоевание эмансипации, – мама категорически запрещала мне грызть семечки. Вообще все, что запрещала мне мама, я, вырвавшись на волю в тридцать восемь лет, делаю с непередаваемым наслаждением – грызу семечки, ем сосиски руками, толсто режу хлеб, сижу на диване с ногами и покупаю резаный сыр. Иными словами, у меня в последние дни отличное настроение и я понимаю, почему звонок Миклашевича не выбил меня из колеи, я не впала в отчаяние, не затосковала... Я могу, я вполне могу жить без него и мне хорошо! И больше никакой любви, хватит с меня, налюбилась! И у меня

идет работа! Я отправила свою героиню на случайные гастроли и, похоже, этот поворот сюжета поистине золотая жила... Словом, жизнь прекрасна, господа!

Написав за полдня четыре страницы – а это более, чем достаточно пока, я решила пойти пешком на рынок – надо же двигаться, ходить в фитнес-клубы я ненавижу, в бассейн – брезгую, а до рынка больше получаса пешком. Надо купить цветов, творогу, свежей зелени.

На выходе из двора меня кто-то окликнул – по случаю воскресенья двор был пуст.

– Простите пожалуйста, где тут второй подъезд?

Я обернулась. Из окна джипа выглядывал мужчина. Я мысленно рассмеялась.

– Второй подъезд с улицы. Сверните сейчас направо, Роза! – решила я немного схулиганить.

– Мы знакомы? – спросил он, напряженно что-то припоминая.

– Нет.

– Но откуда вы знаете, что я Роза?

– Наитие.

– Да ладно, не верю я ни в какие наития, – рассмеялся он. – Где мы встречались?

– Первый раз вас вижу. Всего наилучшего.

И я прибавила шаг. Он медленно покатил рядом со мной.

– Вы меня интригуете?

– Да Боже упаси. Я ж говорю – наитие. Со мной бывает.

– Вообще-то у меня прекрасная память на лица. Я вас не помню.

– И я впервые вас вижу! Но почему-то знаю, что вы – Роза!

– То есть вы ясновидящая? В таком случае, как меня зовут?

Я остановилась. Мне понравилась эта игра.

– Вас зовут... – я сделала вид, что напрягла все свои способности. – Вас зовут... Матвей!

– Послушайте, не делайте из меня идиота!

– Вас и вправду зовут Матвей?

– Откуда вы меня знаете?

– Да не знаю я вас! И вообще, всего хорошего. Я спешу!

– Хорошо, а как вас зовут?

– А вам зачем?

– Интересно!

– Меня зовут Фекла.

– Так я вам и поверил!

– Послушайте, вам ведь был нужен второй подъезд. Вас, вероятно, там ждут.

– Да, верно. Простите... Но вы меня заинтриговали.

– Поверьте, это никак не входило в мои планы, Матвей Аполлонович.

– Черт побери! – воскликнул он.

Я резко ускорила шаг, а ему под колеса бросилась дворовая собака, и он вынужден был затормозить. А я, страшно довольная, забежала в загороженный шлагбаумом проход. Черт возьми, роскошная завязка для романа. Я имею в виду литературный жанр! Потому что крутить романы мне сейчас совсем не хотелось. А интересно все-таки, я ему понравилась? Я зашла в соседний магазин одежды – посмотреть на себя в большое и беспристрастное зеркало. Мое льстит самолюбию любой женщины, хотите верьте, хотите – нет! По-моему выгляжу я недурно. Джинсы, белая льняная рубашка. А главное – хорошее настроение всегда женщине к лицу. Вот теперь этот барон будет весь день ломать голову, откуда я его знаю. Надо непременно вставить эту сцену в роман. Вот, пусть встреча с героем после очередной неудачи на гастролях состоится именно так... Стоп, после неудачи не годится, тут нужно хорошее настроение... Ну, допустим, после любовной неудачи на гастролях у нее начнется полоса везения – кто-то пригласит

ее на съемки сериала... Отлично. А этот человек окажется... Продюсером... Тьфу, нет, ненавижу продюсеров, это наглое, жлобское племя... Нет... Ладно, потом придумаю... решила я и отправилась на стоянку, идти пешком расхотелось.

Обожаю рынки! И хотя сейчас московские рынки уже не те, что в моем детстве и юности – теперь там нет случайных продавцов, только постоянные торговцы-перекупщики, все-таки стихия изобилия всегда захватывает меня, и я частенько покупаю лишнее. Вот и сейчас кроме творога я купила копченый сыр чечил, а к нему, разумеется, лаваш, сладкие узбекские помидоры, малосольные огурчики, молодую картошку, зелень, ароматную клубнику из Геленджика и, конечно же, большой пучок белых и розовых пионов. И куда мне все это? Я решила поделиться этой роскошью с мамой. Я давно уже не была у нее. Мама, как всегда, встретила меня ворчанием:

– Ну вот, опять накупила на Маланьину свадьбу! Что за манера швыряться деньгами! Имей в виду, это дурной тон!

– Мама, прекрати! Я ничего особенного не купила! А если учесть, что на два дома...

– Гоши нет, мне одной картошка, например, не нужна. У меня есть!

– Но это же молодая! Ее даже чистить не нужно, сварить со шкуркой, посыпать укропом, сметаны положить... М-м-мм! А если с малосольным огурчиком... Мечта!

– Это твои мечты, не мои!

– Ну, может, кто-то к тебе зайдет... – с тоской проговорила я. Мы с мамой такие разные...

– Если ко мне кто-то зайдет, то картохой не обойдешься! – презрительно фыркнула мама.

– Ну, как хочешь, сыр тоже не возьмешь?

– Я боюсь есть этот сыр!

– Почему?

– Откуда я знаю, кто и как его делал!

– Ну с таким подходом недолго и с голоду помереть! – фыркнула я, уже мечтая слинять.

– Хочешь чаю с вареньем? – как ни в чем не бывало спросила она.

– Спасибо, выпью, – нехотя согласилась я, иначе она смертельно обидится.

– Знаешь, я вчера ехала в метро и в вагоне заметила по крайней мере трех идиотов, которые читали твои книги.

– Тебе было неприятно? – усмехнулась я.

– Нет, просто я не понимаю...

– Ладно, мам, не понимаешь, не надо!

– Не обижайся, но я бы предпочла, чтобы ты писала что-то более серьезное. Пером-то ты владеешь!

– Мама, я пишу ровно то, что мне хочется, только и всего. И кстати, я вполне укладываюсь в рамки реализма, правда, несоциалистического.

– Твои книги бездейны...

– Мам, это уже сказка про белого бычка! Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом!

– Когда, наконец, ты устроишь свою личную жизнь?

– Моя личная жизнь вполне устроена!

– Собачьи свадьбы? Случайные связи?

– О боже!

– Чего от тебя хотел Миклашевич? Знаешь, он, говорят, очень преуспевает.

– Я весьма за него рада!

В этот момент, как спасенье, зазвонил мобильник.

Звонок был деловой, неинтересный, но я ухватилась за него, как за соломинку и, сославшись на срочное дело, удрала. Какое счастье, что мы теперь живем врозь.

* * *

Встреча с незнакомкой весь день занимала мысли Матвея Аполлоновича. Не то, чтобы она понравилась ему как женщина, нет, но ему в этой встрече вдруг почудилось что-то важное, что-то романтическое и молодое, хотя женщине явно около сорока, да и ему за пятьдесят. Сердце ворохнулось, вспомнил он выражение своего деда, «Матвей, – говаривал дед, уча внука уму-разуму, – если встретил девушку и сердце ворохнулось, либо женись на ней, либо беги без оглядки. Такие – самые опасные». Тут сердце ворохнулось, сомнений нет, но жениться он не собирается – давно и удачно женат, значит надо бежать. А от кого бежать? Не от кого. Надо забыть. А что делать с ворохнувшимся сердцем? Это пройдет, надо только вплотную заняться делами. Сейчас поеду домой, в свой большой красивый дом, Арина накормит вкусным ужином... и расскажет про передачу «Народный артист»... И что тут плохого? Пусть журчит себе, можно не вслушиваться и лишь изредка отпустить междометия...

Дома все было точно так, как он предполагал. Подтянутая, прекрасно выглядевшая для своих лет Арина накормила его вкуснейшим ужином с учетом всех модных тенденций в диетологии и принялась с жаром пересказывать перипетии фильма, который посмотрела сегодня. Он отделялся междометиями, не вслушиваясь в ее болтовню, потом взял стакан чаю и ушел к себе.

* * *

Затаскивая в подъезд сумки, я столкнулась с Викой, соседкой с третьего этажа.
– Что-то случилось? – спросила я. У нее было такое лицо...
– Да нет, ничего серьезного... – еле слышно проговорила она. – Олеся, можно я сейчас у вас посижу часок? Я не буду вам мешать...
– Господи, конечно! Пошли сразу на кухню! Я с рынка...
– Олеся, хотите махонький эпизод для романа, так пустячок...
– Слушаю!
– Я сегодня попросила Ивана свозить меня в Икеа, это же у черта на куличках...
Иван – ее давний, преданный любовник.
– И что?
– Ну, во-первых, я попросила, чтобы он отвез меня в Химки, там выбор лучше, но он ни в какую, только в Теплый Стан, ему удобнее. Ладно, в Теплый Стан, так в Теплый Стан... И он за мной не заехал, мы встретились у метро «Университет». А он ведь меня любит, по-своему, но любит, я знаю...
– Ну, судя по вашим словам...
– Так вот, дальше... Приехали мы туда, я все купила, погрузила в машину и мы поехали... Вдруг звонит его дочка, ей уже двадцать три, она в разводе, то есть не маленькая, не беспомощная... И она требует, чтобы он немедленно забрал ее из какого-то магазина, у нее тяжелые пакеты...
– И что?
– А то... Он меня высадил и помчался за ней. И еще сказал, что потом все равно ко мне приедет... трахаться...
– И вы согласились?
– Сначала да... а потом мне так обидно стало... Я отключила мобильник.
– И решили пересидеть у меня?
– Да.

– А дочка что, не могла взять такси?

– Откуда я знаю?

– Вы его любите, Вика?

– Я боюсь остаться без него...

– Но он ведь поймет, что вы обижены... А они ох как не любят обиженных женщин... Черт бы их всех подрал! У меня тоже был один такой... Он очень меня обидел, но когда я эту обиду продемонстрировала, обиделся сам, а когда мы помирились, сказал: «Я люблю когда ты улыбаешься, а не строишь из себя обиженную тетку...»

– Сволочь! – с чувством сказала Вика.

– Еще какая! – тоже с чувством поддержала ее я.

– Но что же делать?

– Понятия не имею!

– Олеся, я думала вы всегда знаете, как поступить... в таком случае.

– Если бы... – засмеялась я. – Это только мои героини знают, а я... всегда теряюсь от хамства... Знаете что, по-моему, если вы не хотите осложнений, включите мобильник, и когда он дозвонится, просто скажите, что у вас изменились обстоятельства, что вас вызвали на работу, но говорите с ним как всегда, не показывая обиды...

О, с какой радостью она включила мобильник и как просияла, когда этот хмырь позвонил ей буквально через минуту и сообщил, что подъезжает.

– Простите меня, Олеся, и забудьте все... Я пойду... Не могу, я же его люблю...

Я только плечами пожала.

– Вы меня осуждаете? – обернулась она уже в дверях.

– Боже упаси!

– Но вы бы сами так не поступили?

– Откуда я знаю!

Что ж, подобный эпизод может пригодиться для романа. И осуждать Вику я просто не имею права. Разве я сама не глотала обиды, не прощала то, что прощать в общем-то нельзя? Господи, чего я только не натерпелась от Миклашевича... И как я его любила... И если уж копаться в себе, кто знает, как бы я поступила, позвони он сейчас в дверь.

И тут же в дверь позвонили. У меня упало сердце.

– Кто там? – дрожащим голосом спросила я.

– Тараканов морить не желаете?

– У меня нет тараканов!

– Значит, будут! – уверенно ответил женский голос.

– Почему?

– Советую купить морилку, всего за двести рублей, помажете в тараканоопасных местах и тогда они к вам не придут от соседей, которые будут морить. Купите, женщина! – голос звучал угрожающе.

Я достала двести рублей и покорно купила какую-то мазилку. Тетка долго инструктировала меня, как ею пользоваться.

Жаль, что нет такого средства от мужиков... Чтобы не думать о них. Помазала, допустим, виски и все непрошенные мысли обходят твою голову стороной.

Глупости какие, такая мысль даже для романа не годится, чересчур глупая... Значит, и я дура набитая. И вдруг на смену горьким мыслям о Миклашевиче вспомнилось озадаченно-веселое лицо Розы. Я все-таки вставлю этот эпизод в книгу, вот прямо сейчас и вставлю. Без всяких объяснений, откуда Марина его знает. Пусть будет небольшая загадка для читателей... Объяснение придумаю позже. Черт возьми, зачем все-таки меня искал Миклашевич? Я не верю, что просто хотел сказать, что я хорошо выгляжу. Не иначе, ему от меня что-то нужно. Ему всегда от меня было что-то нужно. И зная мой характер, он взял паузу. Понимает, сволочь,

что я потеряю покой... буду мучиться... А я разве мучаюсь? Так, слегка... Я давно выкинула его из головы и из сердца тоже, слишком он меня извел...

Я села за стол, включила компьютер, но работа не шла. Голова не тем занята. Может, мне самой позвонить ему? Нет уж, много чести. К тому же я все слишком хорошо знаю. Он либо будет занят, либо начнет жаловаться на усталость, на дурное самочувствие, на нерадивых сотрудников... Мне стало скучно. И это прекрасно, скука губит все... Прошла любовь, завяли помидоры... Тогда чего я дергаюсь? И тут зазвонил телефон. Я точно знала теперь, что это Миклашевич.

– Алло!

– Привет, – произнес все тот же обволакивающий голос.

– Привет! – засмеялась я.

– Чего ты смеешься?

– Все-таки я тебя знаю...

– То есть?

– Миклашевич, что тебе от меня нужно?

– С чего ты взяла?

– А что, ты хочешь сказать, что в тебе разыгрались былые чувства? Впрочем, я не уверена даже, что они у тебя вообще есть...

– Олеська, кончай базар и давай встретимся.

– Зачем?

– Просто так... Хочу посидеть с тобой, поболтать... Давай позавтракаем завтра.

– Позавтракаем?

– Ага, позавтракаем. Ты же тоже ранняя пташка, давай в полдевятого в «Твин Пигсе».

– Это что-то новенькое.

– Да понимаешь, вечером сложно, днем просто невыносимо, а утром перед работой самое оно.

– Ты лучше сразу скажи, что тебе нужно.

– Да ничего мне не нужно, можно подумать, мне пять лет подряд было от тебя что-то нужно. Глупости. Ладно, давай завтра в полдевятого... – и он положил трубку.

Черт бы его подрал! Не поеду я завтракать... С какой это стати... Зачем беречь уже зажившую рану? Но с другой стороны... Встреча ранним утром вполне безопасна, она не предполагает продолжения, он поедет на работу... Ему, конечно же, от меня что-то нужно. Кстати, его деловые идеи бывают весьма неплохими, это может оказаться интересным... И вообще, мне любопытно с ним встретиться, я же его в «Пушкине» не видела... Мы не встречались года два... Решено, я поеду! Главное, надо только хорошенько выспаться, чтобы утром выглядеть молодой и прекрасной... насколько это возможно в моем возрасте. Да ладно, какие наши годы.

Телефон зазвонил снова. Ну, сейчас он мне скажет, что ему от меня нужно!

– Олесья? – голос был женский и смутно знакомый.

– Да.

– Не узнаешь?

Сердце перевернулось. Я не слышала этот голос давным-давно. Это был голос моей старшей сестры.

– Юля, ты? – разом охрипла я.

– Я, Олесенька, я!

– Боже мой, ты где?

– Я в Москве, еле нашла твой телефон! Я хочу тебя видеть!

– Ты... маме звонила?

– Нет, и ты не смей! Я хочу видеть тебя и только, я в Москве проездом, уезжаю послезавтра. Олеська, маленькая моя, как же я соскучилась!

– Юлечка, миленькая, ты где? Давай я сейчас приеду, говори адрес! Ты в гостинице? В какой? Боже мой, неужели это ты? Сколько ж мы не виделись? Лет двадцать, нет, больше? Какой ужас!

– Я видела тебя по телевизору... Ты стала такая... совсем другая... И я вдруг поняла, что ты-то ни в чем не виновата, и меня такая тоска охватила. Ты – писательница... Надо же...

– Юля, говори, куда приехать?

– Нет, Олеська, давай завтра... В два часа можешь?

– Господи, конечно, могу! Но тогда, может, ты ко мне приедешь?

– Нет, это потом, давай встретимся... какой у вас тут хороший ресторан есть? Пообедаем... поговорим... на людях... А то в домашней обстановке мы просто разревемся как две дуры... Олеська, у тебя есть дети?

– У меня сын, Гошка, ему четырнадцать... Такой парень...

– Привези фотографии, ладно? А муж кто?

– А мужа нет, мы развелись...

– И это правильно, сестренка! Господи, как я хочу тебя видеть...

– Юлька, говори, где ты, я сейчас же приеду!

– Нет, у меня завтра утром деловая встреча, я должна выспаться...

– Ну как угодно...

– Олеська, не обижайся, я правда не могу... Завтра в два... У тебя есть мобильный телефон?

– Конечно!

– Записываю!

Я продиктовала номер.

– Я позвоню тебе не позже одиннадцати и скажу, где мы встретимся, договорились?

– Да! Юлька, почему ты не хочешь сказать, где остановилась? Конспирация?

– Да нет, просто я у подруги...

– Ну, ладно, главное, ты в Москве, и мы завтра увидимся!

– Только поклянись, что ей ничего не скажешь!

– Клянусь!

Вот это да! Юлька в Москве! Сколько ж мы не виделись? Больше двадцати лет... А она так и не простила мать... Интересно, а я бы простила? Наверное, да... Я многое умею прощать... Ах господи, она ни разу не сказала «мы», значит, она одна...

Это был, кажется, восемьдесят четвертый год... Или восемьдесят второй. Но тогда вышло постановление или вернее негласный указ, о если не запрете, то о максимальном сокращении частных связей с иностранцами. Никто не мог знать, что советская власть скоро прикажет долго жить.

Юлька тогда заканчивала университет, она была красивой, веселой, жизнерадостной... И у нее случился роман с американцем. Его звали Ричард, Дик... Я хорошо помню его, он был, по моим представлениям, настоящим стопроцентным американцем, с ослепительной улыбкой в тридцать два безупречных зуба, загорелый, мускулистый, широкоплечий... Он приехал в Москву в гости к дяде, знаменитому композитору, жившему в нашем доме. Жена композитора познакомила Дика с Юлькой, и они сразу влюбились друг в друга, что ужасно не понравилось маме. И она попробовала запретить дочери встречаться с американцем.

– Не смей мешать моему счастью! – кричала Юлька. – Я его люблю!

– Какая любовь? Ты ж его совсем не знаешь! Он уедет, и ты никогда больше его не увидишь! И вообще...

– Он хочет на мне жениться! И я согласилась, вот!

Разговор происходил при мне, и я помню как побледнела мама.

– Замуж? Ты что, спятила? Замуж! За иностранца, тем более, за американца. А если он шпион? Если провокатор?

– Мать, опомнись! На дворе другое время!

– Много ты понимаешь! А о нас ты подумала? Что будет с Олеськой? Ее не примут в институт!

– Подумаешь, она ж не парень, в армию не заберут!

– А, ладно, тебе никто не позволит выйти за него.

– Почему это? Сейчас нет запрета на браки с иностранцами, «Варшавская мелодия» не пройдет!

– Ты не понимаешь, сейчас опять закручивают гайки... И, кстати, правильно делают! Влияние Запада...

– Тлетворное, да? – вопила Юлька. – А мне плевать! Это вы все терпели и шли на заклание как бараны, а я не желаю! Я люблю Дика, и мне плевать...

Такие сцены разыгрывались у нас по два раза в день. Конечно, я сочувствовала Юльке! Да, надо сказать, на все эти запреты мы уже не обращали внимания, в нас уже не было того всеподавляющего страха, как в наших родителях, хотя и они уже, судя по многим знакомым, были не так испуганы, но в нашей семье было много репрессированных в сталинские годы, а мамин двоюродный брат Дима сидел за Самиздат. И мама панически всего боялась. Она работала в Институте Мировой Литературы, занималась Горьким и опасалась даже о нем сказать хоть одно живое слово. Запрещенные книги она не то, что не читала, она даже в руки их брать боялась, и категорически запрещала нам. Однажды она нашла у Юльки под матрасом слепую копию романа Оруэлла «1984». Боже мой какой был скандал! Юльки в тот момент не было дома, и мать сожгла рукопись в эмалированном тазу. У нее тряслись руки, на лбу выступил пот и стучали зубы. Я была потрясена, и пыталась отнять у нее стопку тонкой, почти папиросной бумаги с бледно-лиловыми строчками, крича, что она не смеет, это чужое, и тогда она дала мне пощечину. Никогда прежде она не поднимала на меня руку... Когда Юлька узнала об этом аутодафе, у нее была форменная истерика, но вечером, когда мы легли спать, Юлька сказала:

– Знаешь, мне ее даже жалко... Как можно жить с таким страхом... Ужасно! Мне там, конечно, больше ничего читать не дадут.

Я читала все, что Юлька притаскивала домой. И всегда была на ее стороне, у матери был тяжелый характер, она во всем видела происки врагов. В молодости она была красива, но с годами лицо приобрело жесткость и даже надменность... Но то, что с ней творилось, когда она узнала о Юлькином романе с иностранцем, было похоже на приступ паранойи... Она не спала ночами, никого не подпускала к телефону, и если бы могла, заперла бы Юльку в квартире. Дик приехал на три недели. Роман развивался столь бурно, что он сделал предложение Юльке уже на девятый день. Скандалы не прекращались, однако, когда до отъезда Дика оставалось несколько дней, мать вдруг притихла. Я подумала, что она смирилась. Но внезапно Дик исчез. Оказалось, что его просто выдворили из страны. Уж не знаю, как это произошло, но он улетел. И не по своей воле. Жена композитора с тех пор проходила мимо всех нас, даже не здороваясь. Что было с Юлькой – не передать словами. Она кричала матери, что знать ее не хочет, что не может жить в одном доме с доносчицей... Мать только пожимала плечами – мол, она тут не при чем... Сказать по правде, я не могла поверить, что она действительно что-то сделала, но однажды спустя несколько лет, когда Юлька ушла из дому, я случайно услышала разговор матери с дедом, он в чем-то укорял ее и вдруг сказал:

– Я всегда знал, что ты дура, но надеялся, что не подлая, а ты донесла на родную дочь, и это не в сталинские годы, то есть твоей собственной жизни ничто не угрожало!

Я замерла от ужаса.

А мать закричала:

– Папа, ты просто ничего не понимаешь! Олеська не поступила бы в институт...

– Подумаешь, велика важность, одним бездарным архитектором было бы меньше в этой несчастной стране! А старшую дочь ты просто загубила. Где она, что с ней, ты хотя бы знаешь?

– Ничего, победствует и вернется. Приползет беременная невесть от кого.

– Боже, какое говно я вырастил! – воскликнул дед. – Впрочем, я тебя не растил, твоя обожаемая советская власть меня посадила, а тебя вырастила законченной сукой!

Дед хлопнул дверью и ушел. Он с женой жил в Одинцове. Ночью она позвонила в слезах – у деда инфаркт! Из больницы он так и не вышел. Жена деда во всем винила мать... Я тоже. После всего этого жить с ней под одним кровом я просто не могла и поспешила выскочить замуж за друга детства Юрку Мокшанцева. Свадьбы у нас не было, родители Юрки не настаивали, а я просто не хотела, чтобы мать присутствовала... Я тогда ненавидела ее, мне было за нее стыдно.

Ночь я почти не спала. И за каким чертом я согласилась на это идиотское свидание с Миклашевичем в полдевятого утра? Мне сейчас совсем не до него! Я попыталась позвонить ему на мобильный, но абонент был недоступен. Его домашнего телефона я не знала, он, как я слышала, жил теперь за городом. Ничего не попишешь, придется пойти. Никогда в жизни я не ходила на свидания в полдевятого утра! Впрочем, разве это свидание? Черт его знает... Надеюсь, он сразу поймет, что мне не до него... Однако, надо привести себя в божеский вид, чтобы не ударить лицом в грязь. Но все мысли были заняты Юлькой. А вдруг она не позвонит, как обещала? Вдруг решит, что незачем ворошить прошлое? От этих мыслей болело сердце и хотелось плакать.

Подъезжая к Останкину, я увидела припаркованный у «Твин Пигса» черный джип. Миклашевич всегда ездил на джипах. Говорят, пристрастие к большим машинам свидетельствует о каких-то комплексах у мужчин, хотя, на первый взгляд, откуда у Миклашевича могут быть комплексы подобного рода? У него хороший рост, фигура, он безумно нравится женщинам... А, Впрочем, какое мне дело до него и его комплексов?

Я припарковалась позади джипа. Раньше у него был темно-красный, теперь черный. Раньше «форд», теперь «мерс». Я ни секунды не сомневалась, что это именно его машина. И правда! Едва я открыла дверцу, как он вылез и медленно пошел ко мне.

– Привет, солнышко! Я соскучился! Чудесно выглядишь...

– Привет, ты изменился...

Он улыбнулся и взял меня под руку.

– Идем скорее, я умираю с голоду!

– Это что – новая фишка?

– Ты о чем?

– О встречах в полдевятого утра?

– Оставь! – устало поморщился он, – просто совсем плохо со временем, на дорогах такие жуткие пробки. Я стараюсь все деловые встречи назначать на раннее утро.

Деловая встреча? Какие у нас с ним могут быть теперь дела?

Но пока мы шли до дверей, я опять уже начала поддаваться его обаянию... Черт знает что!

Мы сели за столик.

– Олеська, я страшно рад тебя видеть. Ты здорово похорошела, тебе идет.

– Что мне идет?

– Да вот все это... популярность, успех, если хочешь... Ты стала уверенной в себе, раньше тебе этого не доставало... Ты вообще, видимо, сейчас в своей лучшей поре, – и он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня всегда подкашивались ноги... – Должен признать свою недалекость – я не верил в твой успех, дурак! Что будем есть?

– Я, пожалуй, съем салат «Цезарь» и выпью кофе.

- А я хочу омлет. Тут прекрасно делают омлет, рекомендую.
- Да нет, ограничусь салатом.
- Брось, что за радость в этом «Цезаре»? Я тебе тоже закажу омлет! Я засмеялась.
- Нет, Митя, ты совсем не изменился.
- Он заказал два омлета и сто граммов коньяку.
- Ты пьешь за рулем?
- Выпьем по пятьдесят граммов, ничего страшного.
- Нет, у меня сегодня еще очень важная встреча, так что никакого коньяка я пить не буду.
- Дело твое, я выпью. А может, хочешь какой-нибудь здешней настойки? Клюквенной или кедровой? Или хреновухи? Очень вкусно!
- Господи, ты все такой же глухой! Я не пью за рулем, и не пью по утрам, тем более хреновуху!
- Дело твое.
- Так за чем ты меня позвал?
- У тебя что-то случилось? – проигнорировал он мой вопрос. – Ты какая-то взбудораженная, и это явно не связано со мной... У тебя все здоровы?
- Ну что за человек? То он вообще тебя не слышит, то вдруг угадывает потаенные чувства и мысли...
- Это мои сугубо личные дела.
- Ну, не хочешь говорить, не надо! Ответь мне на один вопрос.
- Попробую.
- Ты достаточно зарабатываешь?
- Достаточно для чего?
- Для достойной и даже красивой жизни?
- А что, ты хочешь предложить мне дополнительный заработок?
- Может быть...
- Ты что, сменил профессию?
- Я-то нет, но у меня мелькнула одна совсем неплохая идея, и я решил обговорить ее с тобой.
- Я заинтригована.
- Ты была когда-то неплохим декоратором.
- Но у меня теперь другая профессия.
- Ну и что? Сейчас ты в моде, у тебя популярность и все прочее, а какая гарантия, что тебя не перестанут в один прекрасный день печатать, или ты выдохнешься или просто мода на тебя пройдет... Тебе такое в голову не приходило?
- Еще как приходило... Даже по ночам иногда снится, и я просыпаюсь в холодном поту...
- Ну вот видишь... Сейчас такой момент, когда твоя литературная известность может помочь тебе сделать имя в другой области. Ты вообрази, как толстосумы, вернее, толстосумки будут гордиться, если их дом оформит такая модная писательница, а?
- Ты что, спятил?
- Ничуть. Это же твоя основная профессия, у тебя диплом архитектурного института, так что тут комар носа не подточит...
- Но я вовсе не хочу этим заниматься. Зависеть от капризов богатых и безвкусных идиотов... Боже упаси, по крайней мере сейчас я сама себе хозяйка, не говоря у о том, что я отстала, не знаю новых веяний и тенденций. И потом у меня нет времени!
- Солнышко, это все чепуха! Поглядишь кое-какие материалы, полистаешь журнальчики, большое дело! Да и я буду рядом...
- Это как раз самый весомый довод против твоей затеи!

– Не хочешь быть со мной рядом? – он посмотрел мне в глаза.

Я отвела взгляд.

– Послушай, солнышко, давай говорить начистоту...

– Попробуем.

– Без всяких экивоков – ты продаешь мне свой бренд... так сказать в рекламных целях, и я все делаю сам, если ты не хочешь этим заниматься. А в случае каких-то сбоев в литературной карьере ты сможешь легко и плавно вернуться к первой профессии. Согласись, что в этом случае первая профессия предпочтительнее первой древнейшей, тем более, что возраст уже не юный, мягко выражаясь. То есть ты абсолютно ничего не теряешь, только приобретаешь... Я буду платить тебе проценты и у тебя будет запасной аэродром. Единственное, что от тебя потребуется, это пару раз встретиться с клиентами.

Я хотела ему возразить, но он не позволил.

– Дай мне договорить! Мы вдвоем едем на первую встречу, ты смотришь объект, делаешь умное лицо, что-то прикидываешь, бросаешь несколько профессиональных терминов, и уезжаешь с глубокомысленным видом, а разрабатывать дизайн будет очень талантливый паренек, но он абсолютно неспособен общаться с клиентурой, он перед ними, как кролик перед удавом, а защищать его идеи и отвечать за них буду я. И учти, это будет служить тебе дополнительной рекламой...

– Не думаю, что мои издатели будут в восторге.

– Разумеется, они придут в ужас! Я узнавал, у тебя огромные тиражи, то есть ты приносишь им немалый доход, следовательно, если ты взялась за что-то еще, значит, они тебе мало платят. погоди, узнав об этом, они испугаются и повысят тебе гонорар. Со всех сторон одна сплошная выгода.

– Думаю, это их не испугает, они боятся только одного – что я перейду к конкурентам.

– Вот и прекрасно! Они точно поднимут тебе гонорар, по-моему, не кисло будет, а? Их надо держать в страхе!

– То есть ты хочешь сказать, что ты чистой воды альтруист?

– Нет, не хочу! Я тоже, как говорится, кое-что буду с этого иметь.

– Можно поинтересоваться, что именно?

– Я таким макаром примазываюсь отчасти к твоей славе...

– У меня нет славы... только популярность у определенного круга читателей.

– Неважно! Это классная фишка – декоратор – знаменитая писательница! У клиентов просто рука не поднимется и язык не повернется предложить тебе низкий гонорар... Одним словом, торговаться они будут куда менее яростно, – улыбнулся он. – Подумай, Олеська, подумай, я дам тебе на размышления... двое суток.

– Мить, у тебя так плохи дела?

– Вовсе нет, просто, когда я увидел тебя по телевизору, меня осенило... Пойми, дурья башка, ты ничего не теряешь...

– Нет, Митя, я ни о чем думать не буду. Дурить кого бы то ни было я не желаю. Это все равно что прятать за своим именем бригаду безымянных литработников. Но вот вспомнить прошлое и сделать один-два несложных проекта в год, я бы пожалуй, могла. Но сама, понимаешь?

– Олеська, да я ничего лучшего и желать не мог! Я подберу тебе материалы, чтобы ты узнала, что есть новенького в этой области. Кстати, для начала, у меня есть роскошное предложение. Мы этот проект сделаем вместе, я как архитектор, а ты как декоратор. Мой Федечка тебе поможет, и если все получится, я уж постараюсь, чтобы появились публикации, для начала осветим проект в журнале «Проект Россия», а там видно будет.

– Что за проект?

– Дом в Литве, на берегу озера. Один тип получил его по закону о реституциях. Там сказочная природа, усадьба на берегу озера, но дом – чистая развалюха.

Мне вдруг показалось, что больше всего на свете я сейчас хочу превратить развалюху на берегу озера в красивый, удобный и уютный дом... Я почему-то решила, что там должны быть потолочные балки темного дерева...

– Какие сроки?

– Вот это разговор! – обрадовался он. – Точно еще сказать не могу, я там не был, но надо будет поехать вместе и посмотреть. Думаю, особой спешки не предвидится. Этим людям есть где жить, это своего рода прихоть судьбы – получить дом по реституции. Люди небедные, но и не сумасшедшие миллионеры. Это не замок, а двухэтажный дом. Думаю, годик на это уйдет, хотя в Литве возможно и быстрее получится, если нанимать рабочих там. Значит, ты согласна?

– Я хочу попробовать. Такой проект мне наверное по силам, а насчет запасного аэродрома ты прав! Только, Митя, давай договоримся – у нас будут чисто деловые отношения! Все остальное – в прошлом!

– Как скажешь! – усмехнулся он.

– Я уже сказала! Это мое условие! Когда ты думаешь приступить?

– Хозяева вернутся через четыре дня, и мы сразу с ними встретимся. Говорят, что мадам прекрасно во всем разбирается. Я лично боюсь таких дам, которые якобы во всем разбираются, но... В конце концов какие-нибудь идиоты или идиотки возникают практически на каждом проекте. Я был уверен, что ты согласишься, давай по глоточку за наше новое начинание.

– Ладно, по глоточку можно. Но, Митя, пока мы это не сделали, ты никакой официальной рекламы никуда не даешь!

– Конечно, нет! Если ты решила все делать сама, я должен убедиться, что за годы писательства ты не стала профнепригодна. За наше начинание!

Боже мой, что же я делаю? Зачем связываюсь с этим человеком? Я что не знаю, какой у него чудовищный характер? Как он вечно бывает всем и всеми недоволен, как больно может обидеть? Да нет, я именно хорошо его знаю и смогу избежать многих подводных камней, о которые спотыкаются новички. И я буду держать дистанцию, это главное... И верить ему не стану...

– Митя, мы должны будем составить договор...

– Разумеется, как же без договора...

– Я имею в виду не договор с клиентом, а договор между нами.

– Ты мне не доверяешь?

– Дело не в этом! Просто во избежание недоразумений. А то мало ли что может случиться...

– Хорошо, договор, так договор. Я тебе завтра же пришлю проект по электронной почте.

– Отлично, я посмотрю и внесу изменения, если понадобится. Кстати, о каких суммах может идти речь? Я уже совсем не знаю этого рынка.

– Это мы будем обговаривать с заказчиком. Останешься довольна.

– Имей в виду, если я до окончания работ по первому проекту увижу где-то какую-нибудь заметочку о том, что известная писательница вернулась к своей первой профессии...

– Можешь вставить этот пункт в договор. От меня никто ничего не узнает. А вот за заказчика или его знакомых я не ручаюсь.

– Для первого заказа можно не сообщать, кто я такая. Надеюсь, ты еще им не насвистел...

– Как я мог, не зная, согласишься ли ты? Но они же могут тебя узнать! Твоя физиономия красуется на обложках, тебя показывают по телевизору.

– Да ладно, все это ерунда. По телевизору меня показывали всего два раза...

– Но я же вот тебя видел...

– И Юлька... – вырвалось у меня.

- Юлька? Какая Юлька? Твоя старшая сестра? Она нашлась? – он вытаращил глаза.
- Нашлась и сегодня я с ней встречаюсь...
- Олеська, прости, я тут со своей чепухой...

Он взял мою руку и пожал, как-то тепло, дружелюбно, не вкладывая в это пожатие ничего лишнего. Он иногда бывает поразительно чутким и тонким, а иногда действует, как слон в посудной лавке...

– Ну что ж, Олеська, похоже в твоей жизни начинается какой-то новый этап и на этом этапе мы опять будем... если не вместе, то все-таки рядом. И ты можешь на меня рассчитывать.

Вон оно как! Однажды я уже поверила ему... Нет, с ним нельзя расслабляться. Он человек ненадежный... А вернее, чудовищно несправедливый. У него, как говорится, всякая вина виновата. Все это я о нем уже знаю, а следовательно он мне не опасен. Но в обаянии и таланте ему не откажешь.

Мы расстались, договорившись созвониться, и как только заказчик появится в Москве, встретиться с ним. Оттуда я поехала в издательство посмотреть обложку новой книги, а Юлька все не звонила. Я ни на чем не могла сосредоточиться. Мобильник то и дело звонил, я вздрагивала, роняла его, но все было не то. В половине первого, я решила ехать домой, она уже не позвонит... А вдруг с ней что-то случилось?

Но вот еще звонок и на этот раз – Юлька!

- Олеська, прости, я не могла раньше позвонить.
- Я уже волновалась! Где и когда?
- Давай в три встретимся у ресторана на углу Спиридоновки и Всполюного переулка!
- А там есть ресторан? – удивилась я.
- Да, и очень неплохой. Ты любишь итальянскую кухню?
- Чтобы увидеть тебя, я готова есть даже папуасскую кухню! Господи, Юлька, неужели...
- Олесенька, все при встрече!

Подумать только, Юлька в Москве и ходит по ресторанам... С кем, хотела бы я знать? Она выбрала ресторан на углу Спиридоновки. Значит, скорее всего, живет где-то неподалеку. У подруги... Кто из ее подруг жил на Спиридоновке, тогда улице Алексея Толстого? Или где-то поблизости? Не помню... Я вообще помню только одну ее подругу Лилию и ничего о ней не знаю. Последний раз я видела ее примерно через год после исчезновения Юльки. Я пыталась хоть что-то узнать о сестре, которая ушла из дому, оставив записку: «Олесенька, прости, но я не могу больше жить в доме с этой женщиной. Искать меня не нужно, я не собираюсь сводить счеты с жизнью, просто хочу резко ее поменять. Матери у меня теперь больше нет, но тебя я люблю и найду возможность с тобой связаться, как только сочту, что нашла сама себя. Сейчас я потеряна, прежде всего для себя, а жить с этим невозможно. Прошу только об одном: не дай ей загубить и твою жизнь! Я люблю тебя, сестренка, не обижайся на меня».

Потеря обожаемой старшей сестры причинила мне страшную боль, но я тогда еще не верила в то, что мать донесла на Дика. И все же исчезнуть на столько лет... Или она так и не смогла найти себя? Сегодня я, наконец, все узнаю.

Я увидела ее сразу, как только свернула на Спиридоновку. Мне показалось, что она несколько не изменилась – такая же изящная, тоненькая, с той же копной русых волос. У меня так сжалось сердце, что я едва не врезалась в припаркованный у ресторана «Пежо». Пришлось проехать чуть дальше по Спиридоновке. Как я закрыла машину, я не помню, и бегом бросилась на угол.

- Юлька! – крикнула я, но крик был какой-то задушенный, – Юлька!
- Олеся!

Мы упали в объятия друг друга и обе залились слезами. Вероятно, это выглядело странно – две не первой молодости тетки рыдают возле респектабельного ресторана.

Первой опомнилась Юлька, она всегда была гораздо выдержаннее, чем я.

– Олеська, сестренка моя любимая, какая ты стала... Как же я счастлива тебя видеть, ну хватит реветь, все же прекрасно, все просто замечательно, мы опять вместе... Пойдем, это очень тихое местечко... Нам никто не помешает, наговоримся всласть!

И она буквально потянула меня к дверям. Заведение и впрямь было премилое. Уютное, красивое и почти пустое, только за одним дальним столиком сидела парочка влюбленных, они были настолько заняты друг другом, что даже не взглянули в нашу сторону. И громко пела канарейка в клетке.

– Значит так, – начала Юлька, – сначала мы поедем, я голодна как сто собак, у меня со вчерашнего обеда во рту маковой росинки не было, а потом будем говорить, говорить...

– Что, даже ни одного вопроса задать нельзя? – улыбнулась я сквозь счастливые слезы.

– Вопросы можно, – шмыгнула носом Юлька и рассмеялась.

– Ты надолго в Москву?

– Завтра улетаю, я говорила...

– Но как же... Так нельзя... Мы столько лет не виделись. Столько надо всего рассказать, спросить... Нереально...

– Так получилось... Но мы теперь будем видеться...

– Где ты живешь?

– В Италии, недалеко от Флоренции.

– Боже мой... Ты замужем?

– Да.

– А дети?

– Детей нет, не получилось... Ты привезла фотографии сына?

Я полезла в сумку и вытащила пачку фотографий.

– Какой парень! Только на тебя совсем не похож... Слушай, кого-то он мне напоминает...

Кто его отец?

– Юра.

– Мокшанцев?

– Да.

– Но вы разошлись?

– Давно, но Владимир Александрович обожает внука, и сейчас Гошка гостит у него в Германии. Он преподает там в консерватории... Лидия Петровна умерла два года назад... Гошка очень дружит с дедом, а я рада, что они вместе. Дед оказывает на него мужское влияние, воспитывает...

– А Юрка?

– Юрка живет в Канаде, у него другая семья, но деньги теперь посылает регулярно...

– Олеська, даже не верится, что я вот могу протянуть руку и дотронуться до тебя... Я же не видела тебя по-настоящему взрослой. Ты мне такой нравишься... Ты представить себе не можешь, что со мной было, когда я увидела тебя по телевизору! У меня нет русских программ, но я была в гостях у своего приятеля, он вечно живет под звуки телевизора. Говорит, это помогает ему не забывать язык и вдруг слышу «У нас в гостях писательница Олеся Миклашевская!» Я как сумасшедшая кинулась к телевизору, смотрю ты! Просто глазам не верю, но когда ты заговорила, я поняла – это действительно ты! Что со мной было... И в этот момент я поняла, что просто обязана тебя найти... У меня только не было уверенности, что ты захочешь меня видеть.

– Что за чушь собачья!

– Откуда я могла знать, что... она не повлияла на тебя и вообще...

– Юлечка, а ты совсем не хочешь ее видеть? Она постарела.

– Я тоже постарела, ну и что?

- Значит, не простила ее?
- А ты простила?
- Я простила... Мне это было трудно, но она все-таки наша мать, и ей все это нелегко далось... Хотя жить с ней под одним кровом – пытка, и как только у меня появилась возможность, я съехала от нее...
- А вы что, жили вместе?
- Одно время пришлось... Она мне очень помогала с Гошкой, иначе я не смогла бы писать...
- Ты окончила Литературный институт? Но ты же собиралась в Архитектурный...
- Архитектурный я и окончила, и работала в одной фирме, но потом... У меня были очень сложные отношения с хозяином фирмы...
- Любовь, что ли?
- Да, любовь, но эта любовь так меня измучила, что в один прекрасный день я ушла от него и за два месяца написала роман, хотела избавиться от этого чувства. А потом поняла, что больше всего на свете хочу писать...
- Олеська, я в самолете сидела рядом с девушкой, которая читала твою книжку... Мне так приятно было. Я даже спросила у нее, что она с таким интересом читает, и она сказала, что очень классную книжку...
- А ты сама не читала?
- Нет, я... боялась...
- Боялась, что тебе не понравится?
- Да... Знаешь, я такие книги вообще не читаю... Ты сама мне выбери то, что тебе больше нравится, ладно?
- Она явно неловко себя чувствовала.
- Да не мучайся ты, Юлька! Ну не читала и не читала, подумаешь... Мать тоже мои книги не читает, и Владимир Александрович, и Витька, помнишь Витьку? И Сашка... Они тоже боятся, что разочаруются во мне, а мне неважно, у меня читателей хватает, – засмеялась я. – Зато Гошка мой большой поклонник. Когда приходит ко мне, первым делом хватается рукопись со стола...
- Что значит, приходит к тебе, он разве не с тобой живет? – насторожилась Юлька.
- Нет, он живет с... бабкой. Она его обожает. Я много работаю, Юлька, мне, когда я начинала, приходилось писать книгу в месяц...
- Как это возможно?
- Да вот было возможно, иначе бы я не пробились, но это были не романы, а детские сказки... Сказок я больше не пишу, но они сослужили мне добрую службу. В те годы Юрка сам был без работы и давал какие-то гроши, мать болела, Гошка был маленький, ни на что не хватало... Пришлось вернуться к ней. Да что это все обо мне и обо мне...
- Хочешь суп из тыквы? Очень вкусно!
- Закажи все сама, ты живешь в Италии и знаешь толк в итальянской кухне...
- Ты даешь мне карт-бланш?
- Именно!
- Олеська, я хочу, чтобы ты с сыном приехала к нам... Ты была в Италии?
- Нет, пока не случилось... Но я мечтаю...
- Вот и чудесно, у меня большой дом. Мы будем ездить по Тоскане... Говорить, говорить...
- Юль, а ты как попала в Италию?
- Это долгая история...
- А мы разве спешим?
- Нет, но...

– А Дика ты нашла?

– Нашла... Но ничего у нас не вышло... поезд ушел... Я из Москвы тогда удрала аж во Владивосток, мне казалось, так я буду ближе к нему... Там я жила в общем неплохо, весело... Я нашла работу в молодежной газете, у нас сколотилась хорошая компания, я только на парней смотреть не могла... Но потом сошлась с горя с одним, залетела, рожать от него ни за что не желала, сделала аборт и лишилась возможности иметь детей уже навсегда, не повезло... Да я, честно говоря, и не хотела тогда даже думать о детях... А потом спохватилась, да поздно уж было. Дура, конечно, но что поделаешь... Я по молодости отчаянная была, все в какие-то авантюры ввязывалась, вспомнить жутко... А когда началась ваша перестройка...

– Наша? – улыбнулась я.

– Не придирайся к словам, писательница! Так вот, когда ослабли тиски, у меня появилась возможность поехать в Штаты, я и помчалась... Дика я нашла далеко не сразу... Он к тому времени был женат... Я, когда его увидела, думала, умру от любви и счастья, он тоже... Нас закрутило каким-то ураганом, но он вскоре опомнился, быстро, недели через две... И вернулся к своей жене... Я думала, не переживу... Но пережила, и стала выживать в Америке. К счастью, все эти годы до встречи с Диком я занималась языком, и вообще целенаправленно готовилась к жизни в Америке, думала, идиотка, что он ждет меня... Но мои труды не пропали даром, и я пошла работать бэбиситтером... Знаешь, что это такое?

– Знаю, но почему бы ни сказать просто няней? Ненавижу, когда женщина говорит, что работает бэбиситтером, согласись, звучит ужасно... Ой, что я несу! Прости, прости!

– Да нет, ты права, мой русский наверное ужасен...

– Ничего подобного, наоборот, ты говоришь лучше, чем многие русские сейчас... Да черт с ним, рассказывай дальше!

– Я попала в приятную семью, двое детей. Четыре и пять лет, мальчик и девочка. Поначалу думала, что сойду с ума, но потом привязалась к ним, они забирали все мое время и занимали все мои мысли, это пошло мне на пользу, некогда было думать о Дике, некогда тосковать по Москве. Я проработала так два года, скопила немного денег...

– А где это было, в каком штате?

– В Калифорнии. Климат там благодатный, русских много. Да, так о чем это я... Мои работодатели переехали в другой штат, там это обычное дело... Да и дети уже подросли... Я сняла себе комнатку и вскоре нашла работу в русском магазине, правда ехать надо было полтора часа. Я купила развалюшку-машину и ездила, но работала я по-черному, в том смысле, что нелегально. Подружилась с хозяйкой магазина и она сосватала меня с одним американцем. Мне надо было выйти замуж, чтобы легализоваться... Впрочем, ты наверное знаешь прорву подобных историй...

– Но это не истории моей родной сестры... Хотя ты и никудышная сестра, но я все равно хочу знать подробности...

– Ох, разве можно рассказать все подробности за столько лет... Но ты права, я никудышная сестра...

– А почему ты здесь только проездом?

– Так получилось...

– А как ты нашла мой телефон?

– Я... – смутилась вдруг она. – Я попросила подругу позвонить... ей и спросить тебя. Ну и вот... Я была счастлива узнать, что ты живешь отдельно.

Я смотрела на нее и не верила себе – неужто это моя обожаемая сестра Юлька, – элегантная дама, вполне европейского вида, и в общем-то чужая... по крайней мере я так это чувствовала, и мне было мучительно больно. Она рассказывала о своей жизни, в которой мне не было места, а вот теперь почему-то нашлось...

– Юль, а если бы ты не увидела меня по телевизору, ты стала бы меня искать?

– Боже мой, Олеська, как ты можешь спрашивать! – огорчилась она. – Конечно, стала бы... но может еще не сразу... Я в последние годы все чаще об этом думаю, а тут вдруг толчок...

Если в первые полчаса встречи была только радость и растроганность, то сейчас вдруг наступило отрезвление. Когда я ехала на встречу с ней, я думала, что смогу рассказать ей все, что мучило меня и терзало, и вдруг поняла, что не стану этого делать. С какой стати? Странно. В прошлом году я встретила со школьным другом, которого не видела лет пятнадцать, мы встретились так, словно расстались вчера... Я даже не заметила в какой момент и почему пришло отрезвление.

– Ну вот, я вкратце рассказала о себе. Теперь ты рассказывай!

– Да мне и рассказывать особенно нечего... Так, ничего особенного... – на меня вдруг навалилась усталость.

– Как это ничего особенного, ты стала модной писательницей, это же безумно интересно... Почему ты вдруг взялась за перо?

– Да так, со злости в общем-то...

– И за это прилично платят?

– Пока не войдешь в моду, совершенно неприлично, а теперь вполне... – я уже еле ворочала языком.

– Олеська, что с тобой? – наконец спохватилась она.

– Не знаю, что-то я спеклась. У меня еще с утра была очень напряженная и важная встреча, и после твоего звонка я почти не спала... Хочешь, поедем ко мне, я приму прохладный душ и буду как новая... Кстати, ты завтра когда улетаешь?

– У меня самолет в пять часов.

– Утра?

– Нет, вечера. Знаешь, ты сейчас езжай домой, отдохни, а завтра утром встретимся, если ты сможешь...

– Смогу, конечно. Я отвезу тебя в аэропорт. Ты из Домодедова летишь?

– Нет, из Шереметьева.

– Куда тебя сейчас отвезти? Нам обеим, похоже, отдых не помешает...

– Да, столько волнений... – виновато улыбнулась она. – Но отвезти меня не нужно, я живу тут в двух шагах, на Спиридоновке. А давай выпьем по чашке кофе, тебе же за руль садиться, может, проснешься...

– Давай, кофе не помешает.

Я заказала себе капучино, что привело мою сестру в оторопь.

– Кто же пьет капучино после обеда?

– А в чем дело?

– Видишь ли, в Италии это нонсенс – капучино после обеда. Капучино это вроде как самостоятельное... блюдо, что ли... Если бы ты в Италии заказала в такой ситуации капучино, тебя бы не поняли.

– Это что ли неприлично?

– Ну, в общем и целом...

– А мне плевать! – отрезала я. – Я не в Италии, а у себя дома...

Она смутилась.

– Извини...

– Знаешь, Юль, ты с годами стала похожа на мать...

– Не выдумывай! – вспыхнула она. – Мы совершенно разные люди!

– Гены, никуда не денешься!

– Ты нарочно, да? Дразнишь меня? Я тебе не понравилась после стольких лет?

– Что за глупости, просто... А в общем неважно, чепуха все это. И знаешь что, я сама заплачу за обед, все-таки ты в Москве гостя, а русское гостеприимство никуда еще не девалось.

– Если ты настаиваешь...

Я расплатилась, и мы вышли на улицу.

– Приятное местечко, правда? – как-то потерянно спросила она.

– Вполне, суп из тыквы был просто супер! Давай, я тебя подброшу...

– Да нет, я хочу пройтись... Так как мы завтра?

– Я в твоём распоряжении. И отвезу тебя в аэропорт.

– Ладно, тогда довези меня тут два шага, я покажу тебе дом. Заедешь завтра за мной, я сразу возьму с собой вещи, чтобы время не терять.

– А давай я заеду за тобой пораньше, мы позавтракаем у меня, поболтаем и поедem в аэропорт. Сейчас надо выезжать заранее, на дорогах жуткие пробки...

– Только умоляю, ничего не говори ей!

– Я не собираюсь, обещаю тебе.

Я довезла ее до подъезда и помчалась домой. Мне надо было остаться одной и осмыслить все, что случилось за этот день. Я была совершенно выбита из колеи...

Дома я первым делом полезла под душ, потом надела халат, налила в стакан джин и апельсиновый сок и забралась с ногами в свое любимое кресло. Итак, начну с Юльки. Миклашевич это потом. Как все странно... Появление в Москве через столько лет на какие-то полтора дня... Ей что-то нужно от меня? Глупости, что ей может быть от меня нужно? Судя по ее виду, она вполне обеспечена, если не богата. Туфли, сумка, костюм, духи, камушки на пальцах и в ушах явно очень дорогие, и вид у нее более чем ухоженный. Может, она тяжело больна и решила повидать сестру? И все-таки очень странно. Она не была в Москве так давно, и ничто ее не удивило? Ну, возможно, она просто от волнения ничего не замечает? Да нет, не похожа она на смертельно больную, иначе бы и с матерью встретилась, облегчила бы душу прощением... Но и вела она себя все-таки странно. Сперва вроде бы нормально, хотя... Попробую поставить себя на ее место... Что бы я сделала, если бы увидела по телеку сестру после двадцатилетнего перерыва? В ту же минуту начала бы ее искать, сейчас это не так уж сложно, тем более сестра живет в том же городе, что и прежде. Найдя, я бы тут же позвонила, не из Москвы, а из Италии, договорилась о встрече и помчалась бы покупать подарки сестре и ее сыну... Да, интересная мысль, но ей она в голову не пришла. Ну ладно, ей не до того было... Я же вот тоже пришла на встречу без подарка... Но у меня просто не было времени, да и вообще, черт с ними, с подарками... Чепуха все это. Я как не была ей нужна все эти годы, так и теперь не больно-то необходима. И все какие-то тайны... У кого она живет? Что за деловая встреча была у нее сегодня утром? Да нет, будь моя воля, я бы еще вчера кинулась встречаться с сестрой, просто в ту же секунду... А зачем ей сестра? Ни на фиг. Просто интересно поглядеть на ту девчонку, которую теперь показывают по телевизору? И я бы уж точно не побоялась прочитать хоть одну книжку. Ну да ладно, не судите да не судимы будете... Мало ли что бывает, когда такая буря эмоций... Вот завтра мы уже встретимся спокойно и там будет видно. А теперь можно подумать и о Миклашевиче, тут у меня как-то сладко заныло под ложечкой. Все-таки я ему понадобилась... Но как хорошо я его знаю, сразу просекла, что он не просто так звонит... И он меня знает как облупленную... Что ж, неплохо для совместной деятельности. Работать с ним интересно, тут не может быть двух мнений, его поганый характер для меня не новость... а какой он все-таки интересный мужик, сексапильный до ужаса... Нет, только не это! Он прежде всего профессионал высокого класса, а остальное в прошлом... Стоит мне один раз переспать с ним и всему конец, он сразу расслабится и будет вести себя по-хамски... ну еще бы, он опять всего добился и эта дурища будет плясать под его дудку... Дудки, Дмитрий Алексеевич, дудки! Дважды в одну реку я не войду. Не на такую напали!

* * *

Матвей Аполлонович посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Ничего себе, вот заработался! В офисе было тихо, все давно ушли. Надо выпить кофе, а то еще чего доброго заснешь за рулем... Он включил новую кофеварку, любимую игрушку последних двух недель. Открыл дверь и вышел в приемную, где имелся небольшой спрятанный среди шкафов холодильник. Достал бутылочку перье. Как здорово будет сейчас выпить не спеша кофе с ледяной водой. Привычка, приобретенная на Востоке. А потом, не спеша ехать за город по уже опустевшему шоссе. Арина уехала на неделю в Египет. Да, я старею, раньше я уж наверняка провел бы этот вечер совсем иначе... Но зато по крайней мере такой вечер не сулит в дальнейшем никаких неприятностей... Он достал из холодильника еще и лимон. Вдруг зазвонил телефон на столе у секретарши. Он снял трубку.

– Можно попросить Антонину Хрисанфовну! – спросил приятный немолодой женский голос.

– Боюсь, вы ошиблись номером.

– Ох, извините!

Он положил трубку и вдруг взгляд его упал на книгу в глянцевом переплете. На задней стороне обложки он увидел портрет той незнакомки, которая несколько дней назад так заинтриговала его. Не может быть! Да нет, это точно она! Кто такая? Олеся Миклашевская. Его секретарша Янина Августовна, пожилая интеллигентная дама, читает такую чепуху? Никогда бы не подумал. Вероятно, Янина сейчас расстраивается, что забыла роман на работе. А что тут о ней написано? «Олеся Миклашевская, автор многих нашумевших романов о Любви, таких как «Цель и средства», «Добрая женщина – дура» и многих др. Читатели, которых у Миклашевской миллионы, черпают в ее книгах оптимизм и веру в себя». Ну понятно, хеппи-энд и розовые сопли. Но я точно с ней не знаком! Откуда же она меня знает? Интересно было бы пообщаться. Надо ее отыскать, я же знаю теперь, кто она такая, значит, найду. Я даже знаю дом, где по-видимому она живет. И опять «ворохнулось» сердце. А может взять роман с собой и проглядеть на ночь? Да нет, не стоит. Это излишне. Но почему-то резко улучшилось настроение и усталость куда-то делась.

«Увы, сомненья нет, влюблен я, влюблен как мальчик полный страсти юной! – замурлыкал он из любимого «Онегина», – «Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде вкушу волшебный яд желаний, упьюсь несбыточной мечтой»... Ну, нет, несбыточные мечты меня уже не привлекают, староват я для них, а вот волшебный яд желаний, как говорится, никому не возбраняется...

Утром, проходя к себе в кабинет, он обратил внимание, что книга, которую он оставил на том же месте, исчезла. Приняв несколько посетителей и уладив два неотложных вопроса, он вызвал к себе секретаршу.

– Янина Августовна, можно задать вам один неслужебный вопрос?

– Разумеется, Матвей Аполлонович!

– Знаете, я вчера тут засиделся допоздна, а когда уходил заметил у вас на столе книжицу...

– Какую книжицу?

– Да какой-то, судя по всему, романчик...

– И вы решили, что я читаю в рабочее время? – испугалась Янина Августовна.

– Да боже упаси, пока вы справляетесь со своей работой, мне все равно, чем вы занимаетесь в свободные минуты, я не деспот, вы не заметили?

– Заметила, конечно, – залилась краской пожилая дама, – но что вас тогда интересует?

– Вы знаете эту писательницу?

– Ну, я с ней лично не знакома, но стараюсь не пропускать ее книг, очень хорошо пишет, легко, изящно, с юмором...

– С юмором, говорите?

– Да, знаете ли, иной раз настроение дурное, или что-то болит, возьмешь книгу Миклашевской и настроение улучшается.

– Рекомендуете прочитать?

– Да нет, это не мужское чтение. Вам наверное неинтересно будет. Там никто никого не убивает, не взрывает, просто женские истории. Матвей Аполлонович, простите мою нескромность, но почему вы вдруг заинтересовались?

– Дадите почитать?

– Я с удовольствием, но это новая книга и у нас тут очередь... Я оставила ее на столе для Гали, после Гали обещала Раисе... Но если хотите, я завтра принесу вам что-нибудь другое... просто как-то странно...

– Да нет, спасибо, дело в том, что я на днях столкнулся с этой дамой на улице, вернее, на дороге, а вчера вдруг узнал ее на обложке, все чрезвычайно просто. Спасибо за информацию, Янина Августовна.

Видимо надоела ему его Арина, подумала про себя секретарша, недолюбливавшая жену патрона за недостаток аристократизма. Впрочем, этим страдали почти все люди, окружавшие Янину Августовну, за исключением, пожалуй, только Матвея Аполлоновича, чей баронский титул грел сердце пожилой дамы, в роду которой были Радзивилы, что в молодые ее годы приходилось тщательно скрывать.

* * *

Я встала ни свет, ни заря, приготовила вполне изысканный завтрак, к счастью в доме была банка хорошей икры, накрыла стол и поехала за сестрой. Я была рада, что сегодня мы сможем пообщаться спокойно. Не исключено, что неприятная отчужденность, возникшая вдруг посреди обеда, исчезнет.

Ровно в десять я стояла у нужного подъезда и через одну минуту Юлька вышла с роскошной дорожной сумкой.

– Привет, Олесенька!

– Привет! Можем ехать? Проверь, билет не забыла?

– Нет, все в порядке. Надеюсь, мать меня там не ждет?

– Юль, по-твоему, мне нужны эти неприятности? Скандалы, объяснения, слезы? Ты-то уедешь, а я останусь. И вообще, вы взрослые люди, разберетесь сами без меня, если вам приспичит.

– Ну не сердись, Олеська, я просто спросила... на всякий случай...

– Ладно, поехали!

– Почему у тебя такая скромная машина?

– Потому что для меня это средство передвижения и только. А какая машина у тебя?

– У меня... БМВ, я люблю немецкие машины.

– Кстати, квартира у меня тоже более чем скромная, одна комната.

– Я слышала, что в Москве квартиры страшно дороги.

– Не то слово! Юль, а как тебе новая Москва?

– Москва как Москва, ну чуть понаряднее стала, светлее по вечерам, но в принципе тут мало что изменилось...

О, это она наступила на любимую мозоль!

– То есть как мало изменилось? – вскинулась я. – Это же совершенно другой город!

– Разве? Ну вероятно, я мало видела...

Не заводись, сказала я себе, плюнь, это же твоя родная сестра, которая не была здесь бог знает сколько лет. Ну не заметила она перемен, и что? Это разве так важно?

– Знаешь, не стоит оставлять сумку в машине, возьмем ее наверх.

– Воруют? – улыбнулась она.

– А у вас разве не воруют?

– Еще как! Не злись, Олеська!

– Извини.

Мы поднялись на шестой этаж. Подъезд у нас довольно приличный, как-никак кооперативный дом, и все-таки мне казалось, она как-то брезгливо морщит носик. Или мне только кажется?

– У тебя красиво! – воскликнула она, едва войдя в квартиру.

Мне было приятно. Я горжусь своим жилищем, в которое вбухала немало собственной фантазии и денег, тоже, слава богу, собственных.

– Это что-то вроде студии?

– Да нет, это как говорится, мое «всё». Я тут работаю и принимаю гостей и, главное, живу так, как мне хочется.

– А почему ты не купила квартиру в новом доме, я видела, в Москве много новых красивых домов...

– Мне подвернулась эта квартира и очень понравилась, тут кухня как вторая комната и прихожая просторная и, главное, мне на эту квартиру хватило денег. А в новых домах так дорого... Ладно, Юль, проходи на кухню, будем завтракать, я голодная...

– О, икра!

– Я помню, ты любишь...

– Обожаю! А это что?

– Фруктовый хлеб, вот с этим сыром очень вкусно. Тебе выжать апельсиновый сок?

– Нет, я пью только морковный...

– Извини, чего нет, того нет.

– Кстати, очень полезно...

– Терпеть не могу! – поморщилась я, вспомнив, как мы с Миклашевичем в Израиле попробовали морковный сок и нас обоих чуть не стошнило, хорошо еще, мы догадались купить один стакан на двоих... Как мы тогда хохотали, и с каким наслаждением пили потом грейпфрутовый, мутно-красный, холодный, терпкий... Как я тогда была счастлива...

– Кофе, чай?

– У тебя есть зеленый?

– Конечно!

Наконец я тоже села за стол.

– Обалдеть, Юлька, это ты! – Я совершенно не знала, о чем с ней говорить.

– Олеська, скажи, у тебя сейчас есть мужчина?

– В каком смысле?

– В прямом.

– В прямом, пожалуй, нет... Мне как-то не до того было в последнее время...

– А замуж ты больше не выходила? После Юры?

– Нет, я не создана для семейной жизни. Слава Богу, у меня есть Гошка... А видеть постоянно кого-то в своем доме мне совсем не хочется. Юль, а кто твой муж-то? Расскажи.

– Он фабрикант, обувщик и просто хороший человек. Добрый, широкий... ну а больше о нем сказать нечего.

– А ты? Ты чем-то занимаешься?

– Да, я занимаюсь в его фирме международными связями. Я ведь знаю пять языков...

– Да? Ну английский, понятно. Итальянский, а дальше?
– Ну еще русский, это не в счет, немецкий, французский... И похуже испанский.
– О, да ты полиглот! А у тебя есть фотография мужа?
– Нет, он терпеть не может фотографироваться. Есть, правда, фотографии дома... Дом был чудесный, настоящая вилла с бассейном и роскошным садом.
– Нравится?
– Ну еще бы!
– Приезжай к нам с сыном, допустим в сентябре...
– В сентябре он учится.
– Ах да...
– А впрочем, недельку он может пропустить, все равно я больше чем на недельку не смогу вырваться...
– А может, в июле?
– Да нет, в июле Гошка еще будет у деда... Ладно, Юлька, главное мы нашли друг друга, а о сроках сговоримся по телефону, в конце концов.
– Смотри, ты будешь жить вот в этой комнате на втором этаже, а сын твой вот тут... Странно, мне почему-то совсем не захотелось ехать к ней... что-то во всем разговоре было словно бы обязательное, неискреннее какое-то.
– Ну, Олеська, расскажи мне еще что-нибудь...
– Да что рассказывать... Я не знаю, ты задавай вопросы, я буду отвечать, а так я не могу...
– О чем ты пишешь в своих романах?
– О любви, о чем же еще? А ты может, все-таки прочтешь один, хотя бы из любопытства?
– Хорошо, обязательно, ты выбери мне что-нибудь... Я, правда, редко читаю по-русски...
– Юль, не надо, я тебе ничего не хочу навязывать.
– Олеська, не обижайся!
Как ни странно, я обиделась. Обычно я никогда не обижаюсь на тех, кто не хочет читать мои книги. А тут почему-то просто сердце от обиды заныло. Вот мама не читает и меня это ни чуточки не трогает, а тут...
– Ты мне все-таки подари книжку, Олеська, я в самолете почитаю...
Я сняла с полки наиболее удачно изданную книгу и надписала: «Юле от родной сестры. Не для чтения, а в знак почтения».
Я украдкой поглядывала на часы, скоро ли в аэропорт, ее присутствие уже тяготило меня. Совершенно чужой человек...
Наконец мы спустились и сели в машину.
До Шереметьева ехали, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Я поставила машину на стоянку, чтобы проводить ее до таможенного контроля, соблюсти все приличия и забыть... Посадка на рейс еще не была объявлена. Она сидела, держа в руках билет и паспорт.
– Может, хочешь пить? – поинтересовалась я.
– Нет, спасибо, я ничего не хочу...
Вдруг у нее в сумке зазвонил телефон. И тут с ней произошло что-то странное – она вспыхнула, рванула молнию на сумке, молнию заело, она сунула мне в руки паспорт с билетом, буквально разодрала молнию, выхватила телефон и, вскочив, отошла в сторонку. Я оторопело взглянула на нее. Ее нельзя было узнать. Она вдруг так помолодела и похорошела, что я сразу догадалась – она говорит с любимым мужчиной. Не с мужем, явно. И говорит по-русски. От ее сияния мне сделалось как-то не по себе, словно я подглядывала в замочную скважину. И чтоб не видеть этого, я машинально раскрыла книжечку билета. Вот тут у меня буквально в зобу дыханье сперло. Она пробыла в Москве более трех недель. И лишь позавчера перед самым отъездом позвонила мне. И по телевизору она меня видела в Москве, а не у русского приятеля в Италии... Значит, у нее тут любовник, а я зачем понадобилась? Случайно увидав меня, она

решила, что это гениальное алиби, роскошная отмазка для мужа? А так даже и не вспомнила бы о родной сестре? И найти меня было не сложно. Позвонил же кто-то матери и спросил мои координаты. А надо заметить, что у матери телефон за эти долгие годы не менялся. Да Юлька же ее точная копия, только еще хуже... Мать была больна страхом, а Юлька... Яблоко от яблони недалеко падает. А я? Я тоже недалеко упала? Какой ужас!

Но тут Юлька вернулась.

– Извини, Олесечка, очень важный звонок.

– Да я уж вижу.

Я решила ничего ей не говорить, зачем, она бы все равно меня не услышала. Так для чего метать бисер? К счастью, вскоре, объявили посадку.

– Ну что ж, мне пора, Олеська!

– Счастливого пути и мягкой посадки. Рада была тебя повидать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.